

Издательский дом «Плутон»

Научный журнал «Юридический факт»

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431 УДК

378.001

LV Международная научная конференция
«Свобода и право»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

18 ноября 2019

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СВОБОДА И ПРАВО»

18 ноября 2019 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-6040934-2-9

Кемерово УДК 378.001. Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам LV Международной научной конференции «Свобода и право», 18 ноября 2019 г. www.ur-fakt.ru / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзугцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 18.11.2019 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л.3.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ.....	3
Улезько С.О., Королев Е.Г.	
2. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ.....	5
Исакова Ю.И., Терещенко И.В.	
3. УСТОЙЧИВОСТЬ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ.....	7
Исаева Д.Р.	
4. ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ В СОДЕРЖАНИИ СТРУКТУРЫ ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	9
Погосян С.С.	
5. ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 175 УК РФ.....	11
Овсянников В.А., Илиндеева В.Е.	
6. СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	13
Гончарова Ю.В., Аласханов А.М-Я.	
7. О СОБЛЮДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА	15
Надоненко О.Н.	
8. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЮ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ.....	17
Серогодская Е.С.	
9. ЭКСПЕРТ И СПЕЦИАЛИСТ, КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ЛИЦ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ.....	19
Барсуков С.А.	
10. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	21
Носырев А.Е.	
11. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ.....	25
Грищенко А.Н.	
12. ИСТОЧНИК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ.....	29
Стрижова А.В.	
13. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ.СТ. 198, 199 УК РФ.....	32
Суворова Н.А.	

Статьи LV Международной научной конференции «Свобода и право»

Улезько Сергей Иванович
Ulezko Sergey Ivanovich

д.ю.н., профессор кафедры уголовного права и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

Королев Евгений Геннадьевич
Korolev Evgeniy Gennadevich

магистрант кафедры уголовно правовых дисциплин
Южно-Российского института управления- филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

УДК 343.37

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

VIOLENCE AGAINST PROPERTY

Аннотация: Автор анализирует существенные объективные и субъективные признаки насильственных преступлений против собственности.

Annotation: The author analyzes the significant objective and subjective signs of violent crimes against property.

Ключевые слова: насильственные преступления против собственности объект посягательства, собственность, умысел, преступление, насилие.

Keywords: violent crimes against property, object of abuse, property, intent, crime, violence

Высокая общественная опасность корыстно-насильственных преступлений определяется объектом посягательств, специфическими мотивами, способами реализации этих мотивов, а также чрезвычайной распространенностью указанных деяний и тяжестью причиняемых ими последствий.

Собственность как экономико-правовое понятие является единым объектом корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Анализ признаков предмета насильственных преступлений против собственности позволяет заключить, что именно предмет фокусирует в себе смысл (природу) отношений собственности.

Признаки предмета характеризуют действия субъекта преступления, разграничивают составы краж, грабежей, разбоев и т.д. Однако в отечественном уголовном законодательстве предмет насильственных преступлений против собственности четко не обозначен.

Насильственные преступления против собственности характеризуются исключительно прямым умыслом.

Характерной особенностью волевого умысла преступника является то, что он навсегда желает лишить потерпевшего возможности владеть, пользоваться или распоряжаться своим имуществом, при этом применяется насилие, опасное или неопасное для жизни и здоровья собственника или осуществляется угроза применить такое насилие.

Насилие может применяться до начала высказывания требований о передаче имущества (имущественных прав), в момент предъявления этих требований либо после передачи имущества.

Наиболее существенными признаками, которые следует учитывать при квалификации корыстно-насильственных преступлений, являются:

1. цель применения насилия;
2. момент окончания преступного посягательства;
3. направленность и характер угроз;
4. способ перехода имущества от собственника к преступнику;
5. наличие альтернативности в поведении потерпевшего.

В уголовном праве к насильственным преступлением против собственности следует отнести насильственный грабеж ч.2 ст. 161 УК (открытое хищение), разбой ст. 162 УК (нападение в целях хищения), вымогательство ст. 163 УК (требование передачи чужого имущества под угрозой

насилия), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения с применением насилия ч.4 ст. 166 УК.

Преступления против собственности, совершенные с применением насилия, имеют ряд существенных объективных и субъективных признаков:

1. все эти преступления совершаются с применением насилия над человеком, либо угрозой применения насилия;

2. содержат два объекта посягательств;

3. имеют вину в форме прямого умысла;

4. корыстный мотив.

Следует отметить, что рассматриваемые преступления являются сложносоставными, так как имеют несколько объектов преступления. Основным непосредственным объектом является право собственности, а дополнительным обязательным объектом - личность (жизнь, здоровье, честь и достоинство, личная свобода или неприкосновенность).

Также, преступная деятельность при корыстно - насильственных преступлениях нацелена изначально на отношения собственности, при этом покушение на интересы личности – это средство для достижения корыстной цели.

Поскольку УК РФ не содержит понятия насильственных преступлений против собственности, предлагаем самим дать это понятие. Итак, преступления против собственности с применением насилия – это общественно – опасные противоправные деяния, которые осуществляются умышленно или неосторожно, посягающие на чужую собственность, сопряженное с применением насилия опасного или неопасного для жизни и здоровья, либо с применением такового.

Библиографический список:

1. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. - М.: Юрид. лит., 1974 – С. 75-76.

2. Ключенко Л.Н. К вопросу об унификации терминологии, обозначающей психическое насилие в уголовном праве //Российский следователь. 2013 №9. – С. 25-27.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002г. № 29 (в актуальной редакции) //Российская газета. 2003 27 января.

4. Симонов В.И., Шумихин В.Г. Преступное насилие: понятие, характеристика и квалификация насильственных посягательств на собственность: Учеб. пособие по спецкурсу / Под ред. В.И. Симонова- Пермь: ПГУ, 2009 – 245с.

5.Щерба С. Рецензия на монографию Л. В. Сердюка «Насилие: уголовно-правовое и криминологическое исследование» //Уголовное право. 2003 №2. – С. 142-143.

Исакова Юлия Игоревна**Isakova Julia Igorevna**д.ю.н., профессор кафедры уголовного права и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»**Терещенко Ирина Владимировна****Tereshchenko Irina Vladimirovna**магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

УДК 343.26

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ**SOME PROBLEMS OF EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM**

Аннотация: В статье автор обозначил некоторые проблемы исполнения наказания в виде ограничения свободы: применение ограничения свободы как дополнительной меры не позволяет учитывать личностные изменения; необходимо учесть региональные особенности при назначении ограничения свободы.

Annotation: In the article the author identified some problems of execution of punishment in the form of restriction of freedom: application of restriction of freedom as an additional measure does not take account of personal change; it is necessary to consider regional characteristics when imposing the restriction of freedom.

Ключевые слова: ограничение свободы, наказание, основное наказание, личность, осужденный.

Key words: restriction of freedom, punishment, basic punishment, personality, convict.

Несмотря на то, что законодатели и правоприменители направляют свои усилия на устранение проблем исполнения наказания в виде ограничения свободы, удалось устранить не все недостатки. Например, применение ограничения свободы как дополнительной меры не позволяет учитывать личностные изменения, произошедшие с осужденным во время отбывания основного наказания. В момент вынесения приговора и определения сроков наказания суд лишен возможности предусмотреть, выбор каких правоограничений в отношении этого лица будет наиболее эффективным. Особенно, если ограничение свободы назначается в качестве дополнительного к основному наказанию в виде лишения свободы на длительный срок. В этом случае между вынесением приговора и отбыванием основного наказания пройдет много времени, в течение которого произойдут значительные изменения, как в личности осужденного, так и в ситуации в стране.

За осужденными к ограничению свободы уголовно-исполнительными инспекциями осуществляется надзор. Особенности территориального расположения инспекций являются другой немаловажной проблемой исполнения данного вида наказания. Например, в Республике Дагестан 51 УИИ, из них 41 обслуживает территорию районов, расположенных в сельской местности. В подавляющем большинстве в УИИ работает по одному штатному сотруднику. Выполнять свои обязанности по надзору за осужденными в условиях города с развитой сетью транспорта намного легче, чем в сельском районе, с его разбросанностью и малоразвитой инфраструктурой. УИИ, расположенные в сельской местности, характеризуются низким уровнем мобильности, так как они не обеспечены автомобилями или мототехникой, единственный автомобиль есть в распоряжении МРУИИ № 1.

Во исполнение ч. 4 ст. 47. 1 УИК РФ при постановке осужденных к ограничению свободы на учет должны проводиться дактилоскопическая регистрация и фотографирование с последующим занесением фото осужденного в программу автоматизированного картотечного учета спецконтингента. Однако не во всех инспекциях Республики Дагестан есть в распоряжении необходимое для этого оборудование, поэтому инспекторам приходится обращаться за помощью к сотрудникам гор (рай) органов внутренних дел, которые не всегда имеют возможность своевременно

откликнуться на просьбу. Эти и рассмотренные выше обстоятельства свидетельствуют о необходимости учета региональных особенностей при назначении наказания (в частности, ограничения свободы).

Существуют ошибки в правоприменительной практике, связанные с установлением обязанностей и ограничений для лиц, осужденных к ограничению свободы. Такие случаи препятствуют эффективной работе уголовно-исполнительных инспекций. Их сотрудникам приходится прибегать к помощи органов прокуратуры, которые должны отреагировать на нарушения, а также в судебные органы, уполномоченные конкретизировать порядок отбывания наказания.

Были обнаружены судебные ошибки, связанные с тем, что в приговоре суда не были четко определены запреты и обязанности, налагаемые на осужденного. Если в приговоре суда отсутствует указание на конкретные ограничения для осужденного, уголовное наказание не считается назначенным [1,5].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» подчеркивается необходимость конкретного перечисления правоограничений. Согласно п. 19 при установлении ограничения на посещение определенных мест суду следует указывать их признаки (например, мест общественного питания, в которых разрешено потребление алкогольной продукции, детских учреждений). Также должно быть конкретно указано, какое количество раз в месяц осужденный должен посещать УИИ[2].

Библиографический список:

1. Арзамасцев М. Вопросы назначения судами уголовного наказания в виде ограничения свободы // Уголовное право. 2012. № 3. – С. 4–7.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

Исаева Диана Руслановна**Isaeva Diana Ruslanovna**магистрантка кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

УДК 343.85

УСТОЙЧИВОСТЬ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ**STABILITY OF A CRIMINAL GROUP OF MINORS AS ONE OF THE SIGNS OF AN ORGANIZED CRIMINAL GROUP**

Аннотация: в статье анализирует категории сплоченности и устойчивости преступной группы несовершеннолетних и приходит к выводу, основываясь на существующих в науке точках зрения, что сплоченность группы как один из признаков ее устойчивости не только не вносит ясность в разграничение различных форм соучастия, но, напротив, затрудняет квалификацию деяний, совершенных участниками преступных групп, особенно несовершеннолетнего возраста.

Annotation: in the article analyzes the categories of cohesion and stability of the criminal group of minors and comes to the conclusion, based on the existing points of view in science, that the cohesion of the group as one of the signs of its stability not only does not clarify the distinction between different forms of complicity, but, on the contrary, complicates the qualification of acts committed by members of criminal groups, especially minors.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступная группа, устойчивость, многоэпизодность.

Keywords: minors, criminal group, stability, multiaspect.

Согласно официальной статистике, число преступлений, совершенных подростками в составе организованных групп, не превышает 0,1 % от общего числа групповых преступлений несовершеннолетних. Это свидетельствует об определенных трудностях, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации данного вида преступлений, совершенных несовершеннолетними. Во многом этому способствует неопределенность в трактовке признаков устойчивости группы.

Устойчивость как один из признаков организованной преступной группы является предметом дискуссий среди ученых [1, 21]. Само понятие устойчивости отсутствует в действующем уголовном кодексе России. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал, что «об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства, например, специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей» [7]. Данное разъяснение только добавляет сложности в процесс квалификации преступлений, совершенных группами. Так, применительно к соучастию несовершеннолетних в преступлениях, не ясен критерий, по которому можно судить о продолжительности существования группы: понятие «большой промежуток времени» является оценочным, и при вольной его трактовке можно полностью исключить существование организованных преступных групп несовершеннолетних, так как период существования группы до достижения ее участниками 18-летнего возраста, возможно, трактовать как «небольшой» [2, 8]. Такие признаки, как техническая оснащенность, специальная подготовка участников также являются во многом субъективными и не могут выступать критериями организованности преступной группы. Проблема заключается в том, что сам по себе признак устойчивости является субъективным и оценочным, поэтому может по-разному трактоваться в процессе правоприменения в зависимости от совершенного деяния.

По существу отмеченной проблемы О.В. Пристанская указывает, что на практике устойчивость преступной группы несовершеннолетних правоприменители часто увязывают с многоэпизодностью и длительностью ее преступной деятельности. «В то же время многоэпизодность и длительность преступной деятельности группы не могут исчерпывать содержание понятия

устойчивости преступной группы, а их отсутствие – исключать возможности применения данного признака» [3, 23]. Действительно, только исходя из определения организованной группы, данного в уголовном законе, сложно отграничить данную форму соучастия от других форм. Изучение уголовных дел по преступлениям, совершенным группами несовершеннолетних, показало, что на квалификацию формы соучастия оказывают влияние дополнительные характеристики, такие как степень согласованности соучастников при подготовке к совершению преступления, направленность преступного посягательства, наличие или отсутствие распределения ролей в группе, тщательность разработки организатором плана совершения преступления и соответствие совершенного деяния данному плану [8, 110].

Сплоченность группы как один из признаков ее устойчивости также не имеет однозначной трактовки среди исследователей. В частности, Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов к признакам, характеризующим сплоченность, относили «круговую поруку, конспирацию, коррумпированность, наличие специальных технических средств» [4, 10]. Е.А. Гришко для характеристики сплоченности предлагает использовать следующие признаки: «наличие взаимодействия членов преступного сообщества (преступной организации); распределение обязанностей не только между членами сообщества (организации), но и между группами, входящими в него; подчинение групповой дисциплине, обязательное выполнение указаний организатора или руководителя» [5, 29]. Л.И. Романова отмечает, что «сплоченность – это не только устойчивость группы, но и установление и поддержание сложившихся отношений между ее участниками внутри группы» [6, 519]. Таким образом, сплоченность группы как один из признаков ее устойчивости не только не вносит ясность в разграничение различных форм соучастия, но, напротив, затрудняет квалификацию деяний, совершенных участниками преступных групп, особенно несовершеннолетнего возраста.

Библиографический список:

1. Быков В. Виды преступных групп: проблемы разграничения // Уголовной право. 2015. № 2. -18-21с.
2. Ермакова Т.Н. Некоторые проблемные вопросы разграничения форм соучастия // Российский следователь. 2017. № 14. – 8-12с.
3. Пристанская О.В. Устойчивые формы групповой преступной деятельности несовершеннолетних: проблемы законодательной регламентации и официального толкования // Российское право. 2015. №12. – 23-25с.
4. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. – М., 1997. - 248с.
5. Гришко Е.А. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно–правовой и криминологический аспекты: учебное пособие. – М.: Центр юридической литературы, 2011. - 299с.
6. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление. / Под ред. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. - 519с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. от 16 мая 2017 г. №17) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.
8. Уголовное право. Особенная часть: учеб. Пособие для СПО / Под редакцией И.А. Подройкиной, С.И. Улезько, Е.В. Серегиной. 2-е изд., перерад. и доп. – М.: Юрайт, 2019, -993 с.

Погосян Сюзанна Степановна
PogosyanSuzanneStepanovna

магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ В СОДЕРЖАНИИ СТРУКТУРЫ ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

PROBLEMS OF TIME IN THE CONTENT OF THE STRUCTURE OF THE CONTINUED CRIME IN CRIMINAL LAW

Аннотация: в статье дана характеристика продолжаемого преступления, определена авторская позиция, касающуюся вопроса о природе деяний, образующих структуру продолжаемого преступления.

Annotation: in the article the characteristic of the continued crime is given, the author's position concerning a question of the nature of the acts forming structure of the continued crime is defined.

Ключевые слова: продолжаемое преступление, структура, деяние, состава преступления.

Keywords: the offense continued, the structure, the act of a crime.

Специфический характер продолжаемым преступлениям придает протяженность образующих их общественно опасных деяний во времени. Продолжаемое преступление отличается от делящегося своим дискретным исполнением, т.е. оно совершается не непрерывно, а дробно, эпизодно. Признаки, позволяющие рассматривать преступление как единое, продолжаемое, характеризуют объективную сторону содеянного. Они выражаются во взаимосвязи между отдельными деяниями, из которых складывается продолжаемое преступление, проявляющейся направленности каждого из них против одного и того же объекта, в сходстве способов их совершения, а также в единстве наступивших последствий» [2, 11]. Определяющими в представленной характеристике продолжаемого преступления выступают объективные признаки, а субъективный критерий (единый умысел и общая цель) остался за рамками внимания. На наш взгляд, для того, чтобы показать сущность продолжаемого преступления, его необходимо определять через совокупность объективных и субъективных признаков. Согласно последнему, продолжаемым является преступление, которое складывается из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление.

Дискуссионным в уголовно-правовой доктрине также остается вопрос о природе деяний, образующих структуру рассматриваемого преступления. Одни ученые отстаивают позицию, что в продолжаемое преступление входят лишь деяния, которые и при изолированном рассмотрении содержат в себе все признаки конкретного состава преступления. Вторые полагают, что основу продолжаемого преступления составляют акты, каждый из которых не обладает общественной опасностью, свойственной соответствующему составу преступления. Третья группа авторов исходит из того, что структурными элементами продолжаемого преступления могут служить как преступные деяния, так и иные (административные, дисциплинарные и т.д.) правонарушения [1, 63].

Более предпочтительной представляется третья позиция, согласно которой продолжаемое преступление может включать в состав как несколько самостоятельных преступлений, так и иные правонарушения, за которые лицо не подлежало уголовной ответственности. Во-первых, правоприменительная практика квалифицирует деяния как продолжаемое преступление, где совершенные тождественные или однородные действия в отдельности представляют собой также и административное правонарушение (при условии, что они объединены единым умыслом и направлены к общей цели). Например, осужденная П., являясь заведующей столовой, осуществила несколько мелких хищений, охватываемых единым умыслом и совершенных с общей целью, что позволило суду признать ее действия продолжаемым преступлением [3, 196].

Во-вторых, продолжаемое преступление может слагаться из деяний, каждое из которых в отдельности содержит всю совокупность признаков соответствующего состава преступления. Подтверждается это и п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой

свободы личности», где разъяснено, что в тех случаях, когда несколько половых актов либо действий сексуального характера были совершены в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего лица и обстоятельства их совершения свидетельствовали о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление [4, 28].

В-третьих, уголовно-правовой оценке подлежат не отдельные деяния, являющиеся при изолированном рассмотрении преступлениями или иными правонарушениями, которые образуют структуру исследуемого единичного сложного преступления, а продолжаемое преступление в полном его проявлении, так как «каждый из преступных актов представляет собой лишь необходимое звено единого целого».

Среди ученых нет единства мнений относительно степени сходства действий (актов бездействия), составляющих структуру продолжаемого преступления. Согласно одной точке зрения, данные преступления совершаются только юридически тождественными (одинаковыми) действиями [5, 32]. Так, З.А. Незнамова полагает, что совершенные при продолжаемом преступлении действия должны быть юридически тождественными, несмотря на возможность их различия по фактическим признакам. В свою очередь, совершение нетождественных, а только однородных (а тем более разнородных) общественно опасных деяний, по мнению автора, продолжаемого преступления не образует. [6,56]

Другие, указывая, что понятием тождественности не охватывается полностью характеристика продолжаемого преступления, доказывают возможность совершения его отдельных эпизодов также однородными деяниями, из чего исходят и 65% опрошенных ученых. Например, А.П. Козлов отмечает, что продолжаемое хищение может включать в себя совокупность преступных деяний, совершаемых как тайным, так и открытым способом.

Мы придерживаемся позиции, высказанной второй группой ученых, поскольку диспозиции уголовно-правовых норм альтернативными признаками могут предусматривать несколько однородных деяний.

Библиографический список:

1. Карпова Н.А. Актуальные вопросы правоприменительной практики по уголовным делам о продолжаемых преступлениях // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №8. - С. 63.
2. Пантюхина Инга Владимировна Вопросы отграничения продолжаемого преступления от совокупности преступлений // АВБсП. 2015. №4. - С.10-13.
3. Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964-1972 гг. - М., 1974. - 236с.
4. Силаев С.А. Объективные признаки продолжаемого преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №4(56). - С. 23-27.
5. Яковлев А.П. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2018. №1. - С. 32-34.
6. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права: учебник / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько, И.А. Фаргиев. - М.: Проспект, 2019. (Серия «Магистр. Базовый курс») - 35/4 п.л.

**Овсянников Владимир Артурович
Ovsyannikov Vladimir Arturovich**

к.с.н., доцент кафедры уголовного права и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

**Илиндеева Вероника Евгеньевна
Iindeeva Veronika Evgenievna**

магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

УДК 343

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 175 УК РФ**SUBJECT OF CRIMINAL PROVISION OF ART. 175 of the Criminal Code**

Аннотация: В статье на основе анализа различных точек зрения раскрывается понятие предмета преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ.

Annotation: Based on the analysis of various points of view, the article reveals the concept of the subject of a crime under Art. 175 of the Criminal Code.

Ключевые слова: Предмет преступления, имущество, имущественные права, собственность

Keywords: Crime subject, property, property rights, property

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, выступает его предмет - имущество, добытое преступным путем. Понятие «имущество» раскрывается в гражданском законодательстве. Согласно ст. 128 ГК РФ в состав имущества входят вещи, включая деньги и ценные бумаги; иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Таким образом, под имуществом в широком смысле понимается совокупность вещей, имущественных прав.

Имущество, как предмет преступного приобретения или сбыта, есть материальное благо. Под имуществом по смыслу ст. 175 УК понимаются предметы, наделенные натуральными физическими свойствами (объемом, весом, массой и др.), независимо от физического состояния: к числу таковых могут также относиться жидкие и газообразные вещества (нефть, газ и др.).

Иногда к предмету анализируемого преступления относят также имущественные права, «поскольку они в принципе могут быть приобретены или сбыты» [1,45]. Но имущественные права и имущественные обязанности, - это нематериальные предметы, они не могут быть включены в понятие имущества по смыслу ст. 175 УК, так как «лежат за рамками понятия имущества преступного приобретения или сбыта и не соответствуют самому характеру этого деяния». Как отмечает Л.Л. Кругликов, при включении имущественных прав в предмет анализируемого состава допускается излишне расширительное толкование уголовного закона, который достаточно четко различает имущество и право на него (например, ст.ст. 159,163 УК РФ) [2,69].

Таким образом, имущество, по смыслу ст. 175 УК, состоит из вещей, индивидуально определенных и определенных родовыми признаками, потребляемых и непотребляемых, одушевленных и неодушевленных, находящихся в гражданском обороте и изъятых из него. Имущественные права и нематериальные блага не могут выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ. В силу нематериального происхождения к предмету преступного приобретения или сбыта, по уголовному закону РФ, также не могут быть отнесены идеи, взгляды, информация (ст.ст. 146, 147 УК), компьютерная информация (ст. 272 УК), электрическая и тепловая энергия (ст. 165 УК).

В состав имущества, по смыслу ст. 175 УК, могут быть включены деньги и ценные бумаги. По мнению В.В. Скосарева, под имуществом по ст. 175 УК могут пониматься только предметы, не изъятые из гражданского оборота [3,49]. На наш взгляд, к преступно приобретенному или сбытому имуществу могут быть отнесены любые вещи, в том числе и изъятые из гражданского оборота, и ограниченные в нем, кроме тех, уголовная ответственность за действия с которыми установлена самостоятельными статьями или частями статей УК. В последнем случае будут применяться правила

квалификации при конкуренции общей и специальной нормы. Так, из анализа положений Особенной части УК РФ следует, что не могут быть включены в состав имущества, по смыслу ст. 175 УК, предметы, ответственность за приобретение или сбыт которых предусмотрена самостоятельными статьями УК (например, поддельные деньги или ценные бумаги - ст. 186 УК РФ).

Преступно добытое имущество должно быть чужим для виновного. Чужим следует признавать имущество, не являющееся бесхозным, не принадлежащее лицу на праве собственности или ином законном основании, или не находящееся в его владении для давности (до момента, когда лицо, владеющее для давности, узнало о неправомерности своего владения или получило повестку по иску собственника о возврате имущества).

Предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК, не может быть имущество самого собственника, возвращающего его путем приобретения после того, как лица завладели вещь преступным путем (например, участвовавшие случаи хищения автомобилей с последующим их возвратом собственнику за определенную сумму). Вместе с тем немало поводов для разногласий дает сам законодатель. Систематическое толкование норм уголовного закона (ст. 175 и ст.ст. 158-163, 167-168 УК) приводит к не совсем верному выводу о том, что под преступно приобретаемым или сбываемым понимается любое имущество, независимо от титульного права на него: как чужое, так и выбывшее из законного владения собственника или иного обладателя в результате совершения преступления [3,30]. Во избежание неоднозначного толкования уголовного закона и в целях формирования единой позиции законодателя предлагаем конкретизировать предмет преступного приобретения или сбыта имущества, указав в ст. 175 УК, что имущество не должно принадлежать виновному лицу на праве собственности или ином законном основании, т.е. быть чужим, изложив диспозицию ч. 1 ст. 175 УК в следующей редакции: «Заранее не обещанные приобретение или сбыт чужого имущества...». Таким образом, предмет преступления, предусмотренного ст. 175 УК, - это любое, независимо от формы собственности, имущество, не принадлежащее лицу на праве собственности или ином законном основании (чужое), индивидуально-определенное и определенное родовыми признаками, одушевленное и неодушевленное, потребляемое и непотребляемое, как находящееся в гражданском обороте, так и ограниченное в нем и изъятое из него, за исключением случаев, когда уголовная ответственность предусмотрена специальными статьями УК.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК, может быть не любое имущество, а только преступно добытое. Это означает, что имущество - предмет преступления - получено в результате совершения любого преступления, независимо от его способа и обстоятельств.

Библиографический список:

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общ.ред. В.М. Лебедева, 2002. - 238с.
2. Кругликов ЛЖ Спорные вопросы толкования и применения ст. 175 УК РФ // Налоговые и иные экономические преступления: Сборник научных статей / Под ред. Л.Л. Крутикова. Ярославль, 2001. Вып. 3. - 289с.
3. Скосарев В.В. Уголовный закон в борьбе с приобретением и сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем // Российский следователь. 2002. № 7. - 390с.

Гончарова Юлия Владимировна
Goncharova Julia Vladimirovna

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

Аласханов Аюб Мухмад-Ярагиевич
Alashkhanov Ayub Mukhmad-Yaragievich

магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

УДК 34

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

SUBJECT OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Анотация: В статье анализируется понятие субъекта компьютерных преступлений. С учетом современных реалий дается уголовно правовая оценка лицам, страдающими компьютерными фобиями

Annotation: The article analyzes the concept of the subject of computer crimes. Given the current realities, a criminal legal assessment is given to persons suffering from computer phobias

Ключевые слова: Субъект преступления, компьютерная информация, вменяемость, компьютерная фобия.

Keywords: Subject of crime, computer information, sanity, computer phobia.

Субъект преступлений в сфере компьютерной информации — это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законом, виновное в совершении рассматриваемых преступлений. Субъект преступления — неотъемлемый элемент состава преступлений в сфере компьютерной информации, отсутствие или неустановление которого (как уголовное, так и процессуальное) означает отсутствие и состава указанных преступлений в целом. Вот почему такое важное значение отводится в юридической литературе данному элементу состава преступления.

Субъект преступления в общем понятии состава преступлений в сфере компьютерной информации, как и в общем понятии состава любых преступлений, характеризуется тремя обязательными и одним факультативным признаком. При этом к числу обязательных относятся такие признаки, как:

- физическое лицо;

- вменяемость;

- достижение лицом возраста, с которого уголовным законом установлена уголовная ответственность [1,649].

Следует заметить, что субъект преступлений в сфере компьютерной информации, характеризуемый только признаками, закрепленными в ст.ст.19, 20 и 21 Общей части УК РФ, которые принято называть общим субъектом преступления.

Характерно, что среди общих субъектов, предусмотренных в ч. 1 ст. 272 УК РФ, может быть любое лицо как работающее в автоматизированной информационной системе или сети либо пользующееся их услугами (законный пользователь), но не имеющее права работы с информацией определенной категории, так и постороннее лицо (лицо не являющееся законным пользователем).

Таким образом, в ч. 1 ст. 272 УК РФ не требуется, чтобы лицо занимало определенную должность, занималось определенной деятельностью, получило определенное образование. Зарегистрировано несколько случаев, когда преступник вообще не имел каких-либо технических познаний [2,268].

Но чаще всего указанное преступление совершается лицами, имеющими достаточно высокую квалификацию, особенно если речь идет о неправомерном доступе к компьютерной информации в компьютерной системе или сети, так как это требует сложных технологических и информационных мероприятий. Поэтому чем сложнее и «хитрее» способ неправомерного доступа, тем уже круг предполагаемых преступников.

В первую очередь это технический персонал компьютерных систем или сетей, которые пострадали от неправомерного доступа, - разработчики автоматизированных систем, их руководители, операторы, программисты, инженеры связи, специалисты по защите информации и т. п. С 07 декабря 2011 года статья 273 УК РФ фактически карает любого пользователя нелегального программного обеспечения. Данный вывод следует из обновленной диспозиции статьи 273 УК РФ, которая причислила к вредоносному ПО компьютерные программы, предназначенные для нейтрализации средств защиты компьютерной информации, то есть субъектом является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Особенностью современной жизни является то, что к числу потенциальных преступников можно отнести лиц, страдающих новым видом психических заболеваний - информационными болезнями или компьютерными фобиями. В специальной литературе отмечается, что указанная категория заболеваний вызывается систематическим нарушением информационного режима человека: информационным голодом, информационными перегрузками, сбоями темпоритма, неплановыми переключениями с одного информационного процесса на другой, дефицитами времени на настройку, информационным шумом. Изучением этих вопросов в настоящее время занимается отрасль медицины - информационная медицина. С уголовно правовой точки зрения таких лиц можно считать в соответствии со ст.22 УК РФ следует считать лицами с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Библиографический список:

1. Уголовное право. Особенная часть: учеб. пособие для СПО /Под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько, Е.В. Серединой. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2019. - 987с.
2. Кругликов Л. Л. Уголовное право России.- М.: Проспект, 2012.- С. 268.

Надоненко Ольга Николаевна**Nadonenko Olga Nikolaevna**

кандидат юридических наук,

доцент кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации»,

E-mail: uc.ural@mail.ru

УДК 342.7

**О СОБЛЮДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА****ON COMPLIANCE WITH THE PROVISIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF
THE RUSSIAN FEDERATION WHEN DRAWING UP AN EXPERT OPINION**

Аннотация: Автор рассматривает практику оформления экспертами заключений об исследовании в части подписки о разъяснении им прав и обязанностей. Анализирует положения ст.199 УПК Российской Федерации в сравнении с нормами Федерального закона от 31 мая 2001г «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» №73-ФЗ.

Abstract: The author considers the practice of issuing expert opinions on the study in terms of a subscription to explain their rights and obligations. It analyzes the provisions of Article 199 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in comparison with the provisions of the Federal Law of May 31, 2001 "About the State Forensic Activities in the Russian Federation" No. 73-FL.

Ключевые слова: права и обязанности экспертов, государственные и иные экспертные учреждения, руководитель экспертного учреждения, уголовно-процессуальный кодекс.

Keywords: rights and obligations of experts, state and non-state expert institutions, head of an expert institution, Code of Criminal Procedure.

Изучая материалы уголовных дел в части экспертного сопровождения процесса расследования, мы обратили внимание на то, что в последние годы эксперты некоторых как государственных, так и иных экспертных учреждений в подписке о том, что им разъяснены их права и обязанности, указывают не ст. 57 УПК РФ, а ст. 16,17 Федерального закона от 31 мая 2001г «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ. Полагаем, что это является недопустимым как для тех, так и для других экспертов.

Вопросы разъяснения прав эксперту, а также предупреждения его об ответственности регулируются определенным кодифицированным актом, предназначенным для регламентации особенностей конкретного вида судопроизводства.

Согласно текущего уголовно-процессуального законодательства (ст.1 УПК РФ) «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации», указание на участие в этом положений иных федеральных законов отсутствует. Следует отметить, что такая жесткая регламентация порядка осуществления судопроизводства присутствует далеко не во всех кодифицированных актах. Для сравнения, в ст. 1 ГПК РФ определено, что «порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации", настоящим Кодексом и *принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами* (выделено автором)», в ст. 2 КАС РФ также указано, что порядок административного судопроизводства может быть осуществлен в соответствии с «...настоящим Кодексом и другими федеральными законами». Однако в УПК РФ такое положение не предусмотрено, а значит, и подменять нормы УПК положениями ФЗ № 73 недопустимо. Тем более что ряд прав и обязанностей, указанных в этом законе, имеет формулировки несовпадающие с положениями УПК РФ. Например, в ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» одна из норм изложена следующим образом «Эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса, *если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела* (выделено автором)». Согласно же п. 1 ч. 4 ст.57 УПК РФ эксперт не вправе без ведома дознавателя, следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по

вопросам, связанным с производством судебной экспертизы. Таким образом, Федеральным законом не исключается возможность личных контактов эксперта с участниками процесса в отличие от положения, сформулированного в УПК РФ, главное «правильно» обосновать причину или цель такого общения. На наш взгляд указанная норма Федерального закона напрямую противоречит требованиям УПК Российской Федерации.

Возможно, что рассматриваемая практика ссылки на Федеральный закон, а не УПК РФ появилась в государственных экспертных учреждениях в силу того, что в ч. 2 ст. 199 УПК РФ для их руководителя сделано исключение в части разъяснения прав и ответственности экспертам, предписывая данное действие исключительно руководителю негосударственного экспертного учреждения. В то же время в ст.14 ФЗ о государственных экспертных учреждениях руководителю указано «разъяснить эксперту или комиссии экспертов их обязанности и права» без конкретизации того, о каких правах и обязанностях идет речь - тех, что перечислены в данном ФЗ, или тех, что предусмотрены соответствующим процессуальным кодексом. Причем ранее уже говорилось о том, что лишение в рамках УПК РФ руководителя государственного экспертного учреждения права разъяснять эксперту его права и обязанности, а так же предупреждать об уголовной ответственности приводит к появлению различных трактовок этого действия [1, 141; 2, 201].

В свою очередь, указание на то, что права и обязанности эксперту разъяснены в соответствии со ст. 16, 17 ФЗ № 73, изложенное в заключениях, выполненных в негосударственных экспертных учреждениях, является полностью безосновательным. Во-первых, ч.2 ст.199 УПК РФ напрямую обязывает руководителя экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебного учреждения, разъяснять эксперту его права и ответственность, предусмотренные статье 57 указанного Кодекса. Во-вторых, в соответствии со ст. 41 ФЗ № 73 действие ст.14 данного федерального закона не распространяется на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами. Поэтому у руководителя негосударственного экспертного учреждения не должно возникать ошибочного понимания норм ФЗ № 73, описанных ранее.

Следует обратить внимание на то, что в п.2 ч.1 ст.19 проекта федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[3] обязанность руководителя разъяснять права и обязанности эксперту, а также предупреждать об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, сформулирована также без ссылки на соответствующий кодифицированный акт: «Руководитель судебно-экспертной организации обязан 2) по получении постановления или определения о назначении судебной экспертизы по поручению органа или лица, назначившего судебную экспертизу, разъяснить эксперту или комиссии экспертов их права и обязанности, предупредить эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения». На наш взгляд во избежание возникновения в дальнейшем рассматриваемых нарушений данная норма после слов «разъяснить эксперту или комиссии экспертов их права и обязанности» должна быть дополнена фразой «предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством».

Библиографический список:

1. Владимирова В.Ю., Забродский Я.Д. О необходимости унификации правового обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Мат. VII Международной научно-практической конференции г.Москва, 17-18 января 2019г. – М: Проспект, 2019. – 711с.

2. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства: монография. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. - 424с.

3. Законопроект № 306504-6 О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL:

[http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=306504-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=306504-6&02) (дата обращения 09.10.2019)

Серогодская Елена Сергеевна
Serogodskaya Elena Sergeevna

ассистент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии ФГБОУ ВО
РГЭУ (РИНХ).

УДК 343.6

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЮ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

CRIMINAL LEGAL ANALYSIS OF OBSTRUCTION OF MEDICAL CARE

Аннотация: В статье приведен уголовно-правовой анализ объективных и субъективных признаков воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Даны особенности квалификации преступления по совокупности с другими составами преступлений.

Abstract: The article provides a criminal legal analysis of objective and subjective signs of obstruction of medical care. Features of the qualification of the crime in combination with other crimes are given.

Ключевые слова: преступление, объективные и субъективные признаки, воспрепятствования оказанию медицинской помощи, квалификация.

Keywords: crime, objective and subjective signs, obstruction of medical care, qualification.

6 августа 2019г. вступил в законную силу Федеральный закон от 26 июля 2019г. №206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» (далее – Закон №206-ФЗ). Согласно Закону №206-ФЗ было криминализовано деяние, выразившееся в «воспрепятствовании в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью пациента» [4].

Согласно информации Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2016 году 1226 раз совершались противоправные действия, связанные с насилием в отношении медицинских работников, в том числе сотрудников скорой медицинской помощи, при исполнении ими служебных обязанностей, что в среднем составляет 1-2 нападения в месяц в субъекте Российской Федерации [1]. Пострадавший в результате нападения медицинский работник лишается возможности оказать необходимую, нередко неотложную, медицинскую помощь нуждающемуся в ней человеку.

В ряде муниципалитетов пострадавший медицинский работник является единственным профессионалом, способным оказать медицинскую помощь в конкретном населенном пункте. В таких случаях преступлением под угрозу ставится не только здоровье или жизнь самого медицинского работника или отдельного пациента, но и здоровье неопределенного числа жителей населенного пункта, лишенных возможности получить необходимую, иногда неотложную, медицинскую помощь, что существенно увеличивает общественную опасность таких посягательств.

Таким образом, нападение на медицинских работников, выполняющих свои профессиональные обязанности, обладает повышенной общественной опасностью, обусловленной, в том числе, снижением доступности медицинской помощи в связи с особым статусом потерпевших [2].

В этой связи актуальность исследуемой темы не вызывает сомнений, поскольку позволит устранить вопросы в правильности квалификаций противоправных деяний, предусмотренных ст.124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Говоря об уголовно-правовом анализе ст.124.1 УК РФ, в первую очередь, следует уделить внимание объекту исследуемого состава преступления. Учитывая законодательное расположение ст.124.1 УК РФ в разделе 7 «Преступление против личности», в главе 16 «Преступление против жизни и здоровья», полагаем, что непосредственным объектом будет здоровье потерпевшего – пациента, дополнительным непосредственным – жизнь пациента (ч.2 ст. 124.1 УК РФ).

Объективная сторона выражается в воспрепятствовании законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи. При чем форма воспрепятствования может быть как активная, к примеру, нападение, применение насилия по отношению к медицинскому работнику,

неопасного для жизни или здоровья, так и пассивная – путем удержания, высказывание угроз о применении насилия, создание препятствий по свободному доступу к больному и т.д. Материальная конструкция состава преступления указывает на то, что преступление будет окончено после причинения тяжкого вреда здоровью больного, которое находится в тесной причинно-следственной связи с самим деянием. Квалифицирующим признаком является причинение смерти пациенту [3].

Субъект преступления – общий, иными словами, физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъективная сторона преступления, считаем, выражена в смешанной форме вины, когда общественно опасное деяние совершается умышленно, а последствие в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента наступает по неосторожности. В целом же преступление по ст. 124.1 УК РФ совершается с неосторожной формой вины. Если в процессе воспрепятствования оказания медицинской помощи умышленно причиняется вред здоровью врача, то содеянное следует квалифицировать по совокупности со статьями 111 УК РФ, 112 УК РФ и 115 УК РФ в зависимости от тяжести причиненного вреда здоровью медработника. Если преступные действия по воспрепятствованию оказания медицинской помощи будут сопряжены с угрозой убийства или причинением тяжкого вреда здоровью медицинского работника, квалификация деяния будет осуществляться по совокупности преступлений, а именно по ст.ст. 124.1 УК РФ и 119 УК РФ.

Установление уголовной ответственности за воспрепятствование законной деятельности врача соответствует степени общественной опасности деяния, имеет упреждающее и профилактическое значение, формирует ответственную оценку поведения и действий в отношении медицинских работников, является фактором правовой защиты и пациентов, и медицинских работников. Изучение же уголовно-правовой характеристики ст.124.1 УК РФ позволит правоприменителю не совершать ошибок при квалификации преступлений.

Библиографический список:

1. Безопасность российских медиков по-прежнему остается под вопросом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/vision/2019-08-05/2_7641_view.html.

2. Пояснительная записка к проекту федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников". – Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/139439-7>.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» от 26 июля 2019г. №206-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 30. Ст. 4108.

Барсуков Сергей Андреевич
Barsukov Sergey Andreevich

Магистрант Северо-Кавказского филиала Российского государственного института
правосудия г. Краснодара

УДК 347.9

ЭКСПЕРТ И СПЕЦИАЛИСТ, КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ЛИЦ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ

EXPERT AND SPECIALIST AS A SPECIAL CATEGORY OF PERSONS

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос участия экспертов и специалистов в гражданском процессе, их процессуальный статус, права и обязанности

Annotation: This article discusses the issue of the participation of experts and specialists in civil proceedings, their procedural status, rights and obligations.

Ключевые слова: гражданский процесс, эксперт, специалист, права и обязанности, судебное разбирательство.

Key words: civil procedure, expert, specialist, rights and obligations, litigation.

Специалист, как и эксперт, по своему правовому положению относится к группе субъектов гражданского судопроизводства, которые содействуют осуществлению правосудия.

Зачастую, при рассмотрении судом дел гражданско-процессуального характера, требуется помощь людей с определенными знаниями в области медицины, строительства, технических средств, науки и так далее. В таких случаях судебный орган на законных основаниях привлекает к производству специалистов и экспертов.

При привлечении к гражданскому процессу людей данной категории, суд учитывает сферу деятельности специалистов и экспертов, уровень образования, обязательно проверяется наличие соответствующей документации: дипломы, сертификаты, лицензии и т.д.

Если в процессе рассмотрения дела возникают вопросы, требующие определенных знаний, то суд, руководствуясь современным законодательством, назначает экспертизу. Все материалы, требующие эксперту для проведения всесторонней и полной экспертизы, направляются в судебную экспертную специализированное учреждение, эксперту или нескольким экспертам в зависимости от поставленных задач и вопросов.

Эксперт обеспечивает сохранность представленных ему для исследования материалов и документов и возвращает их в суд вместе с заключением или сообщением о невозможности дать заключение [1].

Основной целью деятельности эксперта на стадии судебного разбирательства – это проведение исследования и получение нового доказательства (заключения эксперта). Эксперт самостоятельно выбирает метод и подход к исследованию представленных материалов, исходя из собственного опыта и знаний, для достижения наилучшего результата.

Деятельность эксперта в судебном заседании заключается в даче пояснений о проведенном исследовании и сделанных выводах, а также в даче ответов на поставленные вопросы суда и лиц, участвующих в деле. Цель деятельности эксперта – помочь суду и лицам, участвующим в деле, понять суть исследования, мотивы сделанных экспертом выводов, характеристики и точность использованной методики, технических средств и т.п.

Можно, конечно, предположить, что вызов эксперта в зал судебного заседания для того, чтобы он подтвердил результаты своего заключения, не целесообразен, но участие эксперта в судебном заседании является важной частью непосредственного исследования заключения эксперта судом для вынесения законного и обоснованного решения [3].

Законодательство Российской Федерации определило эксперту жесткие рамки, в которые входит не только обязанность принять к производству порученную ему судом экспертизу и провести полное исследование представленных материалов и документов, но и ответственность за результаты проведенной экспертизы, которые должны быть достоверными.

Специалист, как и эксперт, юридически незаинтересованные лица в гражданском судопроизводстве. Их цель одна: прояснить, объяснить, сделать верное заключение.

Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями и навыками, не заинтересованное в исходе дела и привлекаемое в процесс с целью дачи консультаций, пояснений, выполнения отдельных процессуальных действий и т.п.

Участие специалиста в гражданском судопроизводстве можно назвать гарантией справедливого разрешения дела и позволяет эффективно использовать достижения науки, техники и экспертной практики в процессе отправления правосудия.

Согласно Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации, **специалист – это самостоятельный субъект процесса, обладающий определенным объемом прав и обязанностей.**

Специалист имеет право на доступ к материалам судебной экспертизы. После того, как материалы изучены, специалист может задать ряд уточняющих вопросов, а после может запросить необходимые для собственной оценки материалы, документы, показания [2].

Независимость оценки специалиста не должна подвергаться сомнению участников разбирательства, но и тем не менее, приглашенный одной из сторон конфликта специалист всегда будет отстаивать интересы пригласившей стороны, что, конечно же, вызывает недоверие оппонентов. При несогласии одного из участников разбирательства с выводами специалиста, суд, на свое усмотрение, может удовлетворить ходатайство «несогласного» на проведение еще одной оценки (экспертизы), но уже за счет требуемого.

В соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, для разъяснения и дополнения консультации специалисту могут быть заданы вопросы. Первым задает вопросы лицо, по заявлению которого был привлечен специалист, представитель этого лица, а затем задают вопросы другие лица, участвующие в деле, их представители. Специалисту, привлеченному по инициативе суда, первым задает вопросы истец, его представитель. Судьи вправе задавать вопросы специалисту в любой момент его допроса.

Ясное дело, что постоянное требование сторон судебного разбирательства о назначении оценки или экспертизы, для доказывания своей правоты, суд не потерпит и вынесет решение, опираясь на закон и свои внутренние убеждения [4].

Таким образом, из вышеперечисленного видно, что специалист и эксперт важные участники гражданского судопроизводства, ведь в их обязанности входит не только устное разъяснение непонятных вопросов и моментов, но и проведение сложных экспертиз с применением особых знаний и умений. В отличие от эксперта, Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации не выводит отдельную статью для специалиста, в которой были бы обозначены его права и обязанности. На данном этапе развития современного законодательства введение в кодекс такой статьи было бы целесообразно.

Библиографический список:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019).
2. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ (в ред. от 26.06.2019г.).
3. Статья «Участие специалиста в судебном процессе». www.sud-exp.ru. 2017.
4. Статья. Нестеров А.В. О зарождении и развитии некоторых категорий экспертизы // Эксперт-криминалист, 2012.

Носырев Александр Евгеньевич**Nosyrev Alexander Evgenievich**

магистрант Забайкальского государственного университета,
кафедра уголовного права и уголовного процесса юридического
факультета

УДК 93/94:342

**ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**LEGAL AND ORGANIZATIONAL BASES OF COUNTERING EXTREMIST ACTIVITY WITHIN
THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и причины, обусловившие формирование Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», определившего правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности.

Annotation. The article discusses the factors and reasons for the formation of the Federal Law of July 25, 2002 № 114-ФЗ «On Countering Extremist Activities», which determined the legal and organizational framework for countering extremist activities.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму, федеральный закон, законодательство, нормативные акты.

Key words: extremism, extremist activities, countering extremism, federal law, legislation, regulations.

Проблема противодействия экстремизму остается сегодня одной из наиболее актуальных не только в Российской Федерации, но и во всем мировом пространстве. Одной из задач «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», является «противодействие экстремизму путем совершенствования законодательства и правоприменительной практики в соответствующей сфере» [2]. Так, 28 февраля 2018 года на заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ), президент России Владимир Путин обозначил противодействие экстремизму в числе приоритетных задач органов внутренних дел. Путин подчеркнул, что «любая незаконная деятельность, направленная на дестабилизацию ситуации несет серьезную угрозу и требует оперативной нейтрализации. Принимая во внимание дерзкую и вызывающую деятельность ряда группировок, совершаемую несанкционированно, попытки разжечь национальную и религиозную нетерпимость, необходимо разработать решительные меры противодействия» [3].

Спектр мнений о существующей на данный момент нормативной базе, регулирующей борьбу с экстремистской деятельностью, содержание которых, как правило, определяется политическими воззрениями оценивающих лиц, ограничен диаметрально противоположными характеристиками «чрезвычайно жесткое-крайне мягкое».

Базисом нормотворческой деятельности является преследование цели организации общественных отношений оптимальным образом, обеспечение устойчивости государственной конструкции, создание условий для ее развития, охранение незыблемости суверенитета. Обозначение цели нормотворчества таким образом в необходимой степени позволяет абстрагироваться от эмоционально окрашенных оценок Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1] и сконцентрироваться на историческом аспекте определения правовых и организационных основ противодействия экстремистской деятельности в рамках федерального законодательства Российской Федерации.

В советских законодательных актах понятие «экстремизм» отсутствовало, однако статья 70 Уголовного кодекса РСФСР 1961 года определяла ответственность за распространение антисоветской агитации и пропаганды [8]. «Советское законодательство не содержало специального антиэкстремистского акта, который определял бы основы противодействия противоправной антигосударственной деятельности, направленной на насильственный захват власти, насильственное изменение конституционного строя. Однако мощная идеологическая основа советского государства

подменяла собой нормативно-правовой базис борьбы с экстремизмом: любое антигосударственное проявление могло трактоваться политическим режимом как следствие негативных дестабилизирующих воздействий внешних противников – представителей капиталистического лагеря. Такой подход позволял давать однозначную оценку наличия у лица, совершившего деяние, умысла, направленного на подрыв государственного строя» [11, с. 110].

Ограниченность такого подхода, характеризующегося недостаточным законодательным обеспечением вопроса охранения национальной безопасности очевидна. Идеологическая основа оценки деяния предоставляла властям широкие возможности для охранения и консервации государственного строя, при этом содержа в себе значительный потенциал наложения бесосновательных ограничений на права граждан.

Советское государство на позднем этапе своего развития, столкнувшись с усилением полярности воззрений и враждебности действий сторон межэтнических конфликтов, скованных жесткими рамками сильной советской государственности и развившихся в условиях ее ослабления, было вынуждено регулировать действия, направленные на их разрешение. В период, предшествующий разрушению советского государства, проблематика экстремизма регулировалась локально, т. е. власти принимали решения конкретно по каждой ситуации, где взаимная ненависть разных групп населения выливалась в открытые конфликты.

«Примером такого подхода к борьбе с межэтнической рознью в советском государстве являются меры, предпринятые в целях нивелирования советской властью Карабахского конфликта. Эскалация противостояния армян и азербайджанцев вокруг вопроса определения принадлежности Нагорного Карабаха не стало поводом для выработки и принятия законодательного акта, регламентировавшего бы деятельность, направленную на борьбу с экстремистскими проявлениями» [11, с. 112].

Осознавая опасность потенциала последствий переподчинения отдельных территорий даже в рамках СССР, советское руководство, действуя привычными бюрократическими рычагами ограничило принятием 6 декабря 1988 года Советом Министров Постановления № 1396 «О недопустимых действиях отдельных должностных лиц местных органов Азербайджанской ССР и Армянской ССР, вынуждающих граждан покидать постоянные места проживания» [7] и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990 года «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах» [6].

Борьба с экстремизмом в новых условиях молодой России обусловила потребность в законах, которые бы определяли основы противодействия и регулировали соответствующую деятельность на всей территории государства. В 1999 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации были внесены проекты федеральных законов «О противодействии политическому экстремизму» [4], «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации» [5]. Данные проекты федеральных законов были отозваны и приняты не были ввиду принятия ФЗ № 114 «О противодействии экстремистской деятельности».

Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определяет основные принципы и направления противодействия экстремистской деятельности, ее организационные основы, ответственность за ее осуществление. На основании данного федерального закона уполномоченные должностные лица выносят предупреждения общественным и религиозным объединениям либо иным организациям о недопустимости осуществления деятельности, имеющей признаки экстремистской направленности, в определенных законом случаях приостанавливают деятельность организаций.

Содержание Федерального закона № 114-ФЗ от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» формировалось в условиях сложной социально-экономической обстановки молодого государства Российской Федерации. Создание данного законодательного акта происходило под влиянием имевшихся опытов противодействия дестабилизации государственного строя в последнем десятилетии XX века [10, с. 5].

Так, достаточно неоднозначными, требующими глубочайшего исторического исследования, на основе которого было бы возможно формирование объективных общественных и экспертных оценок являются события, связанные с суверенизацией РСФСР в 1990 году и Августовский путч 1991 года. Суверенизация РСФСР была сопряжена с призывами к союзным республикам о необходимости инициативного ограничения влияния союзного центра и обязательств перед ним. Августовский путч 1991 года имел противоположный вектор, направленный на сохранение и

консервацию государственного строя, при этом Государственный комитет по чрезвычайному положению, в состав которого вошли вице-президент СССР Г. И. Янаев, ряд руководителей правительства СССР, функционеров ЦК КПСС, армии и КГБ, самопровозгласил себя органом для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения» [9].

В стремлении охарактеризовать указанные события в контексте данного научного исследования объективно, безотносительно эмоциональных оценок, представляется допустимым отметить, что первый опыт в совокупности с рядом других факторов лег в основу разрушения СССР как целостного государства, второй – стал примером наличия потенциала силового захвата власти в государстве, находящемся на стадии становления.

«Процесс размежевания России, распада еще недавно великого советского государства на современные подобию «удельных княжеств»-независимых квазигосударственных объединений, беззащитных к внешним политическим воздействиям был остановлен значительным напряжением сил. Показательными вехами этого процесса стали замешанные на экстремистских воззрениях сепаратистские движения, развернувшиеся на территориях Татарстана и Чечни. Татарстан не стал территорией, где деятельность радикалов распространилась широко – путем длительного переговорного процесса регион встраивался с государственную структуру Российской Федерации бескровно. Чечню ожидал другой, чрезвычайно сложный для региона путь, сопряженный с этническими чистками не чеченского населения, расцветом ваххабизма. Апогеем распространения экстремистских взглядов на территории Чечни стали две Чеченские кампании» [11, с. 114].

Осознание критической опасности распространения экстремизма происходило быстро, катализатором этого становились прерванные человеческие жизни, этнические столкновения, падение возможностей экономики и разрушение ее потенциала. Сложные экономические условия, безработица в совокупности с обесцениванием нравственно-ценностных ориентиров, поддерживавшейся советской идеологией, стали основой для распространения идей национализма среди широких слоев населения государства, в особенности среди молодежи. Представители деструктивных учений привлекали население обещаниями достижения морального или материального благополучия, в действительности распространяя асоциальные, антигосударственные учения.

Оценка обозначенных проблем, опыт борьбы с экстремистскими проявлениями безусловно учитывались в процессе законодательного оформления основ противодействия экстремизму. Статья 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» раскрывает содержание понятия экстремизма. Смысловое содержание данного понятия включает в себя аспекты дестабилизирующей антигосударственной деятельности. Практически против каждого из приведенных в статье 1 указанного федерального закона проявлений экстремизма российскому государству уже приходилось противостоять.

Важность наличия актуального, отвечающего современным вызовам законодательства, определяющего правовые и организационные основы противодействия экстремизма неоспорима – именно оно является основой охранения государственной целостности, его суверенитета, мирной жизни населения.

Библиографический список:

1. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон РФ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ от 28 ноября 2014 г. № Пр-2753. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Выступление В.В. Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел. В ходе заседания подведены итоги оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел за 2017 год и определены основные направления работы на 2018 год [Электронный ресурс] // Президент России : официальный сайт – URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 05.11.2019).

4. О проектах Федеральных законов «О противодействии политическому экстремизму» и «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «О противодействии политическому экстремизму» : распоряжение Правительства РФ от 04.06.1999 г. № 855-р // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 24. – Ст. 2996. (Сняты с рассмотрения).

5. О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации : постановление ГД ФС РФ от 23.04.2004 г. № 454-IV ГД «О проекте Федерального закона № 96700070-2» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 18. – Ст. 1747. (Снят с рассмотрения).

6. Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах : указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.01.1990 г. № 1060-I // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 3. – Ст. 40.

7. О недопустимых действиях отдельных должностных лиц местных органов Азербайджанской ССР и Армянской ССР, вынуждающих граждан покидать постоянные места проживания : постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 06.12.1988 г. № 1396 // СП СССР. – 1989. – № 1. – Ст. 2.

8. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Справочная правовая система КонсультантПлюс. Документ утратил силу.

9. Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР. Заявление советского руководства. // «Известия Советов народных депутатов СССР» от 20 августа 1991 г.

10. К союзу суверенных народов : сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений, президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков. – М. : ИТИС, 1991. – 541 с.

11. Мельшина К. Ю. Международно-правовые средства борьбы с экстремизмом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / К. Ю. Мельшина. – М., 2018. – 268 с.

Грищенко Анастасия Николаевна
Grishchenko Anastasia Nikolaevna

магистрант Забайкальского государственного университета,
кафедра уголовного права и уголовного процесса юридического
факультета

УДК 343.8

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ

THE APPEARANCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE FOR EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENTS IN RUSSIA

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы становления и развития системы исполнения наказаний в России. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что новый этап развития уголовно-исполнительной системы ставит новые задачи, и прежде всего, о придании уголовно-исполнительной деятельности преимущественно реабилитационного содержания.

Annotation: The article discusses the main stages of the formation and development of the system of execution of sentences in Russia. As a result of the analysis, it was concluded that the new stage in the development of the penal system poses new challenges, and above all, about giving the penitentiary activity predominantly rehabilitation content.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, осужденный, исправительное учреждение, федеральный закон, концепция, исполнение наказания.

Keywords: penal system, convicted, correctional institution, federal law, concept, execution of punishment.

Отечественный институт исполнения уголовных наказаний прошел сложный, противоречивый путь развития и ныне в условиях сложной геополитической обстановки и экономических санкций также переживает непростой период реформирования.

«Отсчет исторического существования уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) ведется с 27 февраля 1879 года, когда Государственным советом Российской империи был принят (одобрен) закон «Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления» (далее – ГТУ). Его создание было связано с тюремной реформой, и ГТУ, по замыслу его организаторов, было призвано стать высшей руководящей, контролирующей и распорядительной инстанцией государства в тюремном деле» [6, с. 160].

Как отмечает Н. П. Гнедова, «Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время такой инстанцией стала Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН России). Необходимость нынешних преобразований УИС вызвана объективными потребностями ее развития в новых политических и социально-экономических условиях. В основе этих преобразований лежит идея гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства, приведение ее в соответствие с международными стандартами» [6, с. 160].

Реформирование российской уголовно-исполнительной системы началось вскоре после распада СССР. Первые принципиальные поправки в законодательную базу функционирования системы исполнения наказаний были осуществлены Законом РФ от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы». Он определил цели, задачи, принципы, систему и организационную основу деятельности УИС, уточнил права и обязанности сотрудников, предоставил им некоторые социальные льготы; установил формы и методы контроля за деятельностью учреждений УИС, в том числе за соблюдением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

«Особой вехой в реформировании пенитенциарной системы стало принятие в 1997 г. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [2], пришедшего на смену Исправительно-трудовому кодексу РСФСР. Само название этого кодекса подчеркивает его принципиальное отличие от прежнего, в котором акцент делался на исправлении осужденных трудом. Новое, уголовно-исполнительное законодательство России, конечно, не отказывается от цели исправления осужденных и их привлечения к общественно полезному труду, однако

акцентирует внимание на регулировании порядка и условий исполнения и отбывания всех видов уголовного наказания, определении системы средств исправления осужденных, охране их прав, свобод и законных интересов, оказание им помощи в социальной адаптации как в процессе исполнения, так и после отбытия наказания» [5, с. 67].

«После принятия Уголовно-исполнительного кодекса РФ, а затем и передачи учреждений и органов пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции РФ началось ее коренное преобразование. Важной международно-правовой предпосылкой, ускорившей передачу УИС из военизированного, силового (МВД России) в гражданское министерство послужило вступление России в Совет Европы (1996 г.) и связанное с этим принятие ряда обязательств, в частности, введение моратория на смертную казнь с перспективой ее отмены» [9, с. 117].

Министерство юстиции РФ стало инициатором планомерной и системной работы по совершенствованию и обновлению законодательной базы, ориентированной на последовательную гуманизацию карательной составляющей уголовной и уголовно-исполнительной политики, приведение условий содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых в соответствии с требованиями международных стандартов.

Наиболее значимые результаты этой работы нашли отражение в Федеральном законе от 09 марта 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации», которым внесены существенные изменения в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство [4]. Его положения были направлены на дальнейшую либерализацию и корректировку уголовной политики прежде всего в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Законом предусмотрено значительное ограничение практики использования меры пресечения в виде заключения под стражу.

В уголовно-исполнительное законодательство указанным Федеральным законом внесены дополнения, представляющие право создания на территории исправительных учреждений изолированных участков от основного видом режима отбывания наказания. Это открыло возможность оставлять осужденных к более строгим условиям отбывания наказания в местах их постоянного проживания для облегчения поддержания связей с родственниками и близкими.

Закон позволяет решать многие проблемы перевода отечественного уголовного процесса на международные стандарты, поэтому многие его положения нашли отражение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), вступившем в силу с 1 июля 2002 года. В новом УПК РФ реализованы такие важные институты, как защита прав и свобод человека и гражданина, судебный контроль за законностью и обоснованностью решений при осуществлении предварительного расследования преступлений. Теперь, как и во всем цивилизованном мире, только суд уполномочен, в частности, принимать решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, что для нашей уголовно-исполнительной системы, в которую входят следственные изоляторы, имеет исключительно важное значение: никакие другие решения, кроме решений суда, не имеют юридической силы для помещения и содержания в следственных изоляторах (СИЗО) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

С принятием нового УПК РФ санкцию задержания подозреваемого свыше 48 часов дает только суд. Заключение под стражу может применяться только при невозможности иной, более мягкой меры пресечения. В качестве альтернативы заключения под стражу введена новая мера пресечения – домашний арест.

Сближению российской правовой системы с правовыми системами других государств способствовало введение в УПК РФ раздела о международном сотрудничестве, в том числе в сфере исполнения наказаний [1].

«В результате обновления законодательства значительно улучшилось правовое положение осужденных, подозреваемых и обвиняемых. Отменены ограничения, связанные с обращением в межгосударственные органы по защите человека, снята цензура жалоб, направленных подозреваемыми и обвиняемыми Уполномоченному по правам человека в РФ и уполномоченным по правам человека в субъектах РФ, исключено применение принудительных мер медицинского характера к осужденным, больным алкоголизмом и наркоманией. Упразднены строгий режим в исправительных колониях для женщин, а также деление воспитательных колоний по видам режима»

[8, с. 650].

Минюстом России при активном участии Федеральной службы исполнения наказаний разработаны проекты федеральных законов и подзаконных актов для введения и организации исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, – ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы. Осужденные к указанным видам наказания будут ограждены от дополнительного криминального заражения, неизбежного в местах лишения свободы, сохраняет социально полезные связи и жизненную перспективу.

Новый этап развития уголовно-исполнительной системы, начало которого ознаменовалось обострением внешнеполитической обстановки и введением экономических санкций, ставит перед системой новые задачи. Речь идет прежде всего о придании уголовно-исполнительной деятельности преимущественно реабилитационного содержания.

Одним из основополагающих документов, определившим развитие УИС на среднесрочную перспективу, стала Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р (далее – Концепция) [3]. Среди важнейших задач, поставленных Концепцией, следует отметить:

- обеспечение прозрачности и открытости уголовно-исполнительной системы на базе совершенствования сотрудничества;

- создание механизма государственной, общественной и иной поддержки лиц, освобожденных от отбывания наказания, в восстановлении социально полезных связей; введение постпенитенциарного контроля за их поведением;

- поддержание положительного общественного мнения в Российской Федерации и на международном уровне о реальном положении дел, достижениях и проблемах уголовно-исполнительной системы.

«Одним из ключевых положений Концепции является создание непрерывно функционирующей системы исправления и социальной реабилитации осужденных, призванной помочь человеку адаптироваться в обществе после освобождения» [7, с. 15].

Представляется, что в условиях стабильного функционирования российской экономики все преобразования УИС будут успешно претворены в жизнь. Реализация основных положений Концепции позволит повысить международный авторитет России как демократического правового государства, способного создать и поддерживать деятельность открытой и прозрачной системы исполнения наказаний, соответствующей международным стандартам обращения с правонарушителями. И, наконец, будет завершено конструирование стабильного уголовно-исполнительного законодательства, рассчитанного на долгосрочную перспективу и отвечающего необходимым требованиям.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

3. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // СЗ РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 09.03.2001 г. № 25-ФЗ (ред. от 08.12.2003) // СЗ РФ. – 2001. – № 11. – С. 1002.

5. Бриллиантов А.В. и др. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 576 с.

6. Гнедова Н.П. Основные вехи в развитии отечественной уголовно-исполнительной системы / Н.П. Гнедова // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). – 2018. – Выпуск 3. – С. 160-163.

7. Комментарий к Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. № 12 (103). – С. 15-17.

8. Права и ответственность в пенитенциарной системе России // Безопасность Евразии. – 2013. – № 1 (11). – С. 648-676.

9. Хижняк В.И. Реализация международных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной политике : дис. ... канд. юрид. наук / В. И. Хижняк. – Ростов-н/Д, 2004. – 230 с.

Стрижова Ангелина Владимировна
Strizhova Angelina Vladimirovna

магистрантка группы ЗСА1ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
научный руководитель: Малько Е.А., кандидат юридических наук, доцент

УДК 341.63

**ИСТОЧНИК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В
КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ**

SOURCE FREE WORK OF THE FREE RESIT IN COMMERCIAL ARBYATOY

Аннотация: Особенности исполнения решений иностранных арбитражных судов, а также решений международного коммерческого арбитража на территории РФ, правовое регулирование, нормативно правовые акты.

Abstract: Features of the enforcement of decisions of foreign arbitration courts, as well as decisions of international commercial arbitration in the Russian Federation, legal regulation, regulations.

Ключевые слова: Международный коммерческий арбитраж, Нью-Йоркская конвенция, исполнение решений, гражданский кодекс РФ, арбитражный регламент.

Keywords: International Commercial Arbitration, New York Convention, Enforcement of Decisions, Russian Civil Code, Arbitration Regulations.

Среди международных нормативных актов, регулирующих правоотношения, возникающие из международного коммерческого арбитража, прежде всего выделяют Нью-Йоркскую конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (ратифицирована 157 странами, в т. ч. и Россией)¹. Данный акт является гарантией обеспечения реализации арбитражных соглашений. В России такие правоотношения регулируются Гражданским Кодексом РФ², Федеральным Законом «О международном коммерческом арбитраже»³, международными договорами и другими международными договорами, ратифицированными РФ. Согласно статье 46 Арбитражного регламента арбитражного института торговой палаты г. Стокгольма⁴ стороны обязаны исполнять без промедления каждое арбитражное решение. Схожая норма присутствует в пункте 42 Правила МКАС при ТПП РФ⁵.

Фундаментальные положения механизма реализации решений международного коммерческого арбитража были воплощены в Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. Согласно статье III данного документа каждое государство-участник имеет обязательства по признанию арбитражных решений на своей территории и исполнению вышеуказанных решений в соответствии с национальными процессуальными нормами.

Согласно территориальному действию Нью-Йоркской Конвенции 1958 г. признать и исполнить иностранное арбитражное решение можно на территории любого государства, в независимости от того факта, является ли данная страна участником конвенции или нет. Таким образом, данная оговорка действительна и для России, как для страны-правопреемницы. Однако количество стран-участниц Нью — Йоркской Конвенции 1958 г. постоянно растет. В указанных

¹ «Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

³ Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 № 5338-1 (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ «Арбитражный регламент Арбитражного института при Торговой палате г. Стокгольма» [рус., англ.] (Вместе с «Организацией ТПС», «Чрезвычайным арбитром», «Положением о расходах») (Принят 01.01.2010) из информационного банка «Международное право» // Текст Арбитражного регламента предоставлен для включения в системы КонсультантПлюс Арбитражным институтом Торговой палаты г. Стокгольма, www.sccinstitute.com.

⁵ Приказ от 18 октября 2005 г. № 76 «О регламенте международного коммерческого арбитражного суда при торгово-промышленной палате Российской федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельствах глобализации мирового сообщества актуальность таких оговорок постепенно уменьшается.

Нью-Йоркская Конвенция 1958 г. не предусматривает специальных требований к форме арбитражного решения, или его обязательного соответствия процессуальным нормам страны, принимающей решение о признании и приведении в исполнение. Следовательно, данное обстоятельство приводит к унификации и сближению стран с дифференциальными правовыми порядками и правовыми системами.

Необходимо уточнить, что в силу ст. 241 АПК РФ⁶ решения МКА должны быть окончательными и приняты по итогам полного комплексного анализа дела по существу в целях признания и исполнения арбитражного решения. Данная идея многократно встречается в практике АС РФ.

Согласно части 1 статьи 242 АПК РФ дело о признании и исполнении решения МКА рассматривается АС РФ по заявлению стороны, которая выиграла в международно-коммерческом споре. Также в этой статье указаны обязательные данные, которые должны присутствовать в заявлении.

Стоит отметить, что часть 4 статьи 242 соответствует статье IV Нью-Йоркской Конвенции 1958 г., а именно в отношении требуемых приложений, таких как должным образом заверенное арбитражное решение, а также подлинное, либо надлежащим образом заверенное арбитражное соглашение, в соответствии с которым в иностранный коммерческий арбитраж и был передан данный спор. Указанные документы необходимо должным образом перевести на русский язык.

Принудительное исполнение решения международного коммерческого арбитража происходит в соответствии АПК РФ и ФЗ «Об исполнительном производстве»⁷ на основании исполнительного листа. Решение иностранного коммерческого арбитража может быть исполнено на территории РФ в течении трех лет, но при наличии уважительных причин указанный срок может быть восстановлен.

Также необходимо упомянуть, что на сегодняшний день участники интернациональных торговых отношений в России и за рубежом рассматривают обращение в международный коммерческий третейский орган как наиболее предпочтительный вариант разрешения споров. Они исходят из его преимуществ, одним из которых является механизм признания и приведения в исполнение решений международных арбитражей посредством Нью-Йоркской Конвенции 1958 г.

На территории Российской Федерации решения международных третейских органов признаются и приводятся в действие согласно международным соглашениям, а также АПК РФ. Необходимо указать, что настоящая система функционирует на высоком уровне, что обеспечивает соблюдение законных прав и интересов сторон, отстаивших свою позицию в международном арбитражном органе.

Библиографический список:

1. «Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «Об исполнительном производстве» // «Собрание законодательства РФ», 08.10.2007, № 41, ст. 4849.
5. Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 № 5338-1 (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
6. «Арбитражный регламент Арбитражного института при Торговой палате г. Стокгольма» [рус., англ.] (Вместе с «Организацией ТПС», «Чрезвычайным арбитром», «Положением

⁶ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

⁷ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «Об исполнительном производстве» // «Собрание законодательства РФ», 08.10.2007, № 41, ст. 4849.

о расходах») (Принят 01.01.2010) из информационного банка «Международное право» // Текст Арбитражного регламента предоставлен для включения в системы КонсультантПлюс Арбитражным институтом Торговой палаты г. Стокгольма, www.sccinstitute.com.

7. Приказ от 18 октября 2005 г. № 76 «О регламенте международного коммерческого арбитражного суда при торгово-промышленной палате Российской федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Суворова Наталья Александровна
Suvorova Natalya Aleksandrovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ.СТ. 198, 199 УК РФ

SUBJECTIVE CHARACTERISTICS OF CRIMINAL CONDITIONS PROVIDED BY ART. 198, 199 OF THE CRIMINAL CODE

Аннотация: Рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки уклонения от уплаты предусмотренных российским законодательством обязательных налогов и сборов, а также иных налоговых преступлений, обеспечивающих взыскание недоимок. В данной статье рассмотрены субъект и субъективные признаки составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199 УК РФ, отражена позиция автора.

Annotation: The issues of criminal legal assessment and tax fees are considered. This article discusses the subjects and subjective characteristics of the offenses listed in Art. Art. 198, 199 of the Criminal Code, reflects the position of the author.

Ключевые слова: налоговое преступление, налоговое правонарушение, уголовный кодекс, уголовная ответственность.

Keywords: tax crime, tax offense, criminal code, criminal liability.

В отличие от объективной стороны, представляющей собой внешнюю сторону преступления, субъективные признаки характеризуют психологическое отношение индивида к совершаемому им противоправному деянию.

В соответствии со ст. 198 УК РФ субъектом преступления может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16-ти лет, обязанное уплачивать необходимые налоги в соответствующие сроки.

Среди ряда специалистов, занимающихся вопросами налоговых преступлений, высказывалось мнение о необходимости унификации уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с индивидуального предпринимателя и организации [19, 7]. По нашему мнению; данная точка зрения является достаточно спорной, поскольку в таком случае произойдет нивелирование уголовной ответственности субъектов, имеющих разный организационно-правовой статус.

Остановимся на одном из общих признаков субъекта рассматриваемого преступления - возраст. Согласно ст. 20 УК РФ за налоговые преступления ответственность наступает с 16-летнего возраста. Статистика же свидетельствует, что возрастной диапазон субъектов налоговых преступлений составляет от 21 года до 65 лет, средний возраст преступника — 38 лет [7, 231]. Это логически вытекает из того, что согласно налоговому законодательству обязанность по уплате налогов возникает у налогоплательщиков при возникновении у них объектов налогообложения. В свою очередь возникновение последних связано со способностью физического лица совершать правомерные действия (совершать сделки, работать за плату, заниматься предпринимательской деятельностью и т.п.) Таким образом, чаще всего субъектами состава преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, являются лица, достигшие как минимум восемнадцатилетнего возраста, так как именно по достижению этого возраста возникает полная дееспособность, под которой, согласно п. 1 ст. 21 ГК РФ [1], понимается способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Не стоит забывать о том, что из этого общего правила имеются исключения. Так, согласно п. 2 ст. 21 ГК РФ гражданин, не достигший 18-ти лет, приобретает полную дееспособность со времени вступления в брак. В соответствии с п. 1 ст. 27 ГК РФ, полностью дееспособным может быть объявлен и несовершеннолетний, достигший 16-го возраста, в случае работы по трудовому договору, или осуществления им, с согласия родителей, усыновителей или попечителя, предпринимательской деятельности.

Таким образом, следует учитывать, что не каждое лицо, достигшее 16-летнего возраста, может иметь обязанности по уплате налогов и (или) сборов, а следовательно, являться субъектом

преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ. Отметим также, что в определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, мы придерживаемся позиции, высказанной по этому поводу постановлением Пленума Верховного Суда РФ, от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления».

Перейдем к рассмотрению субъекта преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, которая предусматривает ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации. В соответствии со ст. 19 НК РФ налогоплательщиками и плательщиками сборов признаются организации, на которых в соответствии с НК РФ возложена обязанность уплачивать соответственно налоги и (или) сборы. Что же является организацией в рамках данной статьи? Пункт 2 ст. 11 определяет, что организации - это юридические лица, образованные в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также иностранные юридические лица, компании и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, международные организации, филиалы и представительства указанных иностранных лиц и международных организаций, созданные на территории Российской Федерации.

Отметим, что обязанность платить налоги и (или) сборы возлагается на юридическое лицо, а уголовная ответственность устанавливается для физических лиц, так как в соответствии с действующим уголовным законодательством субъектом преступления не может быть юридическое лицо. В связи с этим заметим, что общие нормы об управлении деятельностью организации как субъекта правоотношений содержатся в гражданском законодательстве.

В соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Порядок назначения или избрания органов юридического лица определяется ГК РФ, законами о соответствующих видах юридических лиц, иными правовыми актами или учредительными документами юридических лиц.

Пунктом 1 ст. 27 НК РФ установлено, что законными представителями налогоплательщика, плательщика сбора - организации признаются лица, уполномоченные представлять указанную организацию на основании закона или ее учредительных документов.

Многие насущные проблемы квалификации налоговых преступлений решило Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 64 от 28 декабря 2006 г. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления». Надо отметить, что трактовка многих понятий состава ст. 199 УК РФ возможна лишь исходя из анализа налогового и хозяйственного законодательства, поскольку диспозиция данной статьи бланкетная и решения судов по гражданским делам могут лечь в основу приговора по делу уголовному.

Необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 28 НК РФ действия (бездействие) законных представителей организации, совершенные в связи с участием этой организации в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, признаются действиями (бездействием) этой организации. Остановимся на определении круга лиц, которые являются законными представителями организации и субъектами преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ.

Среди ученых нет однозначного суждения по этому поводу. Есть мнения, что таковыми являются: 1) должностные лица организации; 2) руководители или исполняющие их обязанности лица; 3) руководитель и главный бухгалтер (либо лица, выполняющие их обязанности); 4) руководитель организации, главный (старший) бухгалтер, лица, фактически выполняющие обязанности руководителя и главного (старшего) бухгалтера, а также иные служащие организации-налогоплательщика, включившие в бухгалтерские документы заведомо искаженные данные о доходах или расходах либо скрывшие объекты налогообложения.[11, 23].

При этом не менее спорно решается вопрос о том, когда главный бухгалтер может быть признан субъектом преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ. Одни полагают, что как исполнителя данного преступления к уголовной ответственности следует привлекать только руководителя предприятия. Бухгалтер же при наличии умысла на совершение преступления выступает лишь как соучастник.[5, 11].

Неоднозначно решается вопрос и в отношении иных служащих организации-налогоплательщика, включившие в бухгалтерские документы заведомо искаженные данные о доходах или расходах либо скрывшие объекты налогообложения. Так, ряд авторов не исключают

возможности привлечения их к уголовной ответственности в качестве исполнителей преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, другие - соучастниками преступления.[9, 59].

Приведенные нами точки зрения свидетельствуют о попытках исследователей ответить на многие спорные вопросы, решение которых на практике вызывает трудности.

Ныне действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», в п. 7 определяет, что к субъектам преступления, предусмотренного статьей 199 УК РФ, могут быть отнесены: 1) руководитель организации-налогоплательщика; 2) главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера), в обязанности которых входит подписание отчетной документации, представляемой в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов; 3) иные лица, если они были специально уполномочены органом управления организации на совершение таких действий; 4) лица, фактически выполнявшие обязанности руководителя или главного бухгалтера (бухгалтера).

Бесспорно, руководители организаций являются субъектами преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ и, как мы могли убедиться в связи с вышеизложенными точками зрения, это признают все авторы, занимающиеся вопросами квалификации налоговых преступлений. В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 21.11.96 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» ответственность за организацию бухгалтерского учета в организациях, соблюдение законодательства при выполнении хозяйственных операций несут руководители организаций. Руководители организаций могут в зависимости от объема учетной работы: а) учредить бухгалтерскую службу как структурное подразделение, возглавляемое главным бухгалтером; б) ввести в штат должность бухгалтера; в) передать на договорных началах ведение бухгалтерского учета централизованной бухгалтерии, специализированной организации или бухгалтеру-специалисту; г) вести бухгалтерский учет лично.

Следует отметить, что действующий Налоговый кодекс РФ предусматривает возможность как добровольного, так и принудительного порядка исполнения обязанности по уплате налогов. При этом в отличие от налогоплательщика – физического лица, принудительный порядок исполнения обязанности по уплате налогов в отношении которого допустим только по решению суда (ст. 48 НК РФ), в случае неуплаты или неполной уплаты налога в установленный срок организацией обязанность по уплате налога на основании ст. 46 НК РФ исполняется принудительно путем обращения взыскания на денежные средства налогоплательщика или налогового агента на счета в банках. Взыскание налога производится по решению налогового органа (решению о взыскании) путем направления в банк, в котором открыты счета налогоплательщика или налогового агента, инкассового поручения (распоряжения) на списание и перечисление в соответствующие бюджеты (внебюджетные фонды) необходимых денежных средств со счетов налогоплательщика или налогового агента. На практике возникает вопрос: следует ли привлекать к уголовной ответственности лиц, уклонившихся от уплаты налога, который впоследствии был отменен? Здесь надо отметить, что согласно п. 4 ст. 5 НК РФ акты законодательства, отменяющие налоги, могут иметь обратную силу, если прямо это предусматривают. По общему правилу, налоговые нормы, улучшающие положение обязанных лиц, не имеют обратной силы. Если таковая будет придана норме, отменяющей конкретный налог, то лицо, уклонявшееся от его уплаты, подлежит освобождению от уголовной ответственности. Весьма спорным в теории уголовного права считается вопрос о предмете данного посягательства. На наш взгляд, не правы А. В. Сальников и Д. Ю. Кашубин, считающие, что предметом преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ, является объект налогообложения либо денежные средства, подлежащие перечислению в счет уплаты налога [14, 33].

Немало вопросов возникает в связи с квалификацией действий учредителей (акционеров) предприятий, поскольку для них немаловажное значение имеет неучтенная или иным образом скрытая прибыль, дивиденды и др. С нашей точки зрения, установить вину учредителей и тем более акционеров в совершении налогового преступления при условии того, что их участие в деятельности организации ограничивалось простым учредительством или владением акциями, невозможно. В соответствии со ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Однако в случае участия учредителей в совершении налоговых преступлений они могут привлекаться к уголовной ответственности в качестве соучастников. «Если в ходе следствия, - пишет В.И. Сергеев — будет установлено участие учредителей в неуплате

налогов ..., то таковые — при условии, что они являются физическими лицами - привлекаются к ответственности наряду с виновным руководителем (если таковой имеется) и главным бухгалтером предприятия как организаторы, подстрекатели и иные соучастники преступления». [15, 70]. Мы не рассматриваем в данном случае ситуацию, когда учредитель одновременно является генеральным директором и главным бухгалтером организации. В данном случае такое лицо привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях.

Следующим субъектом преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, является главный бухгалтер. Надо сказать, что большинство запрещенных УК РФ деяний в финансово-экономической и хозяйственной сферах осуществляется при непосредственном участии бухгалтерских работников или сих ведома. Как отмечается в юридической литературе, преступные группы, созданные для уклонения от уплаты налога с предприятия, обычно состоят из двух человек: директора и главного (старшего) бухгалтера. Из них почти три четверти (74 %) мужчины (в основном руководители предприятий, организаций); женщины обычно занимают бухгалтерские должности.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 21.11.96 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» [4] главный бухгалтер несет ответственность за формирование учетной политики, ведение бухгалтерского учета, своевременное представление полной и достоверной бухгалтерской отчетности. Его требования по документальному оформлению хозяйственных операций и представлению в бухгалтерию необходимых документов и сведений обязательны для всех работников организации. Без подписи главного бухгалтера денежные и расчетные документы, финансовые и кредитные обязательства считаются недействительными и не должны приниматься к исполнению. Обладая такими полномочиями, он может самостоятельно реализовать преступный умысел, а, следовательно, являться исполнителем преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ. Сам факт того, что руководитель подписывает представляемую в налоговый орган налоговую декларацию, не может рассматриваться в качестве доказательства его вины в совершении преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ. Главный бухгалтер имеет возможность, не ставя в известность своего руководителя, внести в нее какие-либо заведомо ложные сведения. Справедливо отмечается, что, хотя ответственность за организацию бухгалтерского учета, прежде всего, несет руководитель организации, если он был введен в заблуждение неправильным отражением хозяйственных операций, определением налогооблагаемой базы, расчетом сумм налоговых платежей, то ответственность распространяется на бухгалтера.[6, 29]. В связи с чем, мы не согласны с теми авторами, которые считают, что главный (старший) бухгалтер может привлекаться лишь за соучастие в совершении преступления, предусмотренного ст.199 УК РФ.

В связи с вышеизложенным, нельзя не упомянуть положение, закрепленное в п. 4 ст. 7 Закона РФ «О бухгалтерском учете», в соответствии с которым в случае разногласий между руководителем организации и главным бухгалтером по осуществлению отдельных хозяйственных операций документы по ним могут быть приняты к исполнению с письменного распоряжения руководителя организации, который несет всю полноту ответственности за последствия осуществления таких операций.

Предметом налогового преступления можно назвать лишь материальный объект внешнего мира, воздействуя на который, преступник причиняет вред общественным отношениям (или который появляется в результате совершения преступления). Правда, И. М. Серeda считает, что незаконные действия или бездействие субъекта влияют на размер неуплаченного налога – в этом есть вообще-то определенный резон, так что вопрос очень сложный. Действительно, на ответственность влияет размер неуплаченного налога – так же, как при хищении влияет размер (стоимость) изъятого. Но ведь при хищении преступник почти всегда физически воздействует на имущество, соприкасаясь с ним в процессе изъятия и завладения, а при уклонении от налогов – не воздействует, не соприкасается. Поэтому все же точнее было бы считать предметом налоговых преступлений налоговую декларацию и иные документы, в которые вносятся заведомо ложные сведения. Кстати, такое же понимание предмета характерно и для кражи чужого имущества. А вот в случае, когда документы так и не поданы, имеет место, так называемое беспредметное преступление.

Большинство специалистов в области уголовного права, занимающиеся вопросами квалификации налоговых преступлений, утверждают, что с субъективной стороны данные преступления могут быть совершены только умышленно. И с ними трудно не согласиться. К этому выводу позволяет прийти анализ диспозиций ст. ст. 198 и 199 УК РФ, в которых используются термины «уклонение» и «заведомо ложные сведения». Очевидно, что под уклонением следует

понимать только осознанное, целенаправленное деяние лица, нежелание платить налоги при осознанной необходимости это делать. Понятие «заведомо ложные сведения» предполагает осознание факта несоответствия данных, указанных в налоговой декларации или других документах, фактическим обстоятельствам.

Перейдем к рассмотрению субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199 УК РФ, которая, по мнению большинства специалистов, является внутренней характеристикой преступления, заключающаяся:

- 1) в психическом отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, к совершенному деянию и его общественно опасным последствиям;
- 2) в мотивах виновного;
- 3) в преследуемых им целях;
- 4) в его эмоциональном состоянии во время совершения преступления.[18, 121]

Вина является основным обязательным признаком субъективной стороны любого состава преступления, поскольку согласно ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

В соответствии с ч.1 ст. 24 УК РФ, вина может выражаться форме умысла или неосторожности.

Обобщение научных источников по проблеме ответственности, за налоговые преступления позволяет сказать, что есть две позиции относительно видов вины. В юридической литературе преобладает мнение, что указанные преступления совершаются лишь с прямым умыслом. Тем не менее, в некоторых источниках высказывается мысль о возможности совершения налоговых преступлений с косвенным умыслом. [10, 9]

По нашему мнению, наличие именно прямого умысла при совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199 УК РФ, не вызывает никаких сомнений.

Виновный осознает факт уклонения от уплаты налогов путем непредставления налоговой декларации в налоговый орган, зная о возложенной на него обязанности представить такую декларацию, или путем включения в нее или иные документы заведомо искаженных данных, которые, как ему известно, не соответствуют действительности, и уменьшает размер уплачиваемого налога, и желает этого. По отношению к размеру неуплаченных налогов может быть прямой неконкретизированный (неопределенный) умысел.

О том, что уклонение от уплаты налогов и (или) сборов возможно только с прямым умыслом говорится и в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления». При этом судам следует иметь в виду, что при решении вопроса о наличии у лица умысла надлежит учитывать обстоятельства, указанные в статье 111 НК РФ, исключаящие вину в налоговом правонарушении.

При рассмотрении субъективной стороны налоговых преступлений, нормы которых, как было указано нами ранее, носят бланкетный характер, нельзя обойти вниманием вопрос об осознании виновным противоправности совершаемого деяния. Отметим, что вина в налоговом правонарушении в основном зависит от отношения субъекта к факту нарушения им норм налогового законодательства, то есть от осознания противоправности своих действий. Вина в уголовно правовом смысле такой ссылки на противоправность не имеет.

Несомненно, что очевидность умысла в налоговых преступлениях порой спрятана за бланкетными диспозициями в огромном массиве противоречащих друг другу нормативных документов. Как правило, налогоплательщик объясняет наличие искаженных данных невнимательностью, небрежностью или неопытностью бухгалтера, запутанностью и непоследовательностью налогового законодательства. Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе обязывает толковать все сомнения в пользу налогоплательщика, и потому, как показывает практика, случаи, когда удается установить умышленную деятельность в «неочевидных» нарушениях, достаточно редки[16, 69].

На наш взгляд, осознание противоправности лицом своего деяния все-таки необходимо. В обратном случае создаются предпосылки для объективного вменения. При расследовании уголовных дел следует учитывать сложность, запутанность, а порой и противоречивость действующего в нашей стране налогового законодательства, не исходить из презумпции того, что субъект преступления

должен в мельчайших подробностях знать все без исключения вопросы налогообложения. В обязательном порядке, самым тщательнейшим образом следует выяснять уровень их компетенции и информированности в вопросах налогового законодательства, имелась ли у них сама возможность получения необходимой для правильного исчисления налогов информации.[12, 96].

По нашему мнению, необходимым условием уголовной ответственности за налоговые преступления является осознание налогоплательщиком противоправности своего деяния. При этом «требование осознания противоправности деяния не означает необходимость всегда устанавливать знание лицом не уголовных нормативных правовых актов. Каждый осуществляющий специализированную деятельность, презюмируется знающим соответствующие правовые установления. Однако если будет доказано, что по каким-то конкретным причинам лицо не знало нарушенное им правило либо неправильно понимало его, вывод об умышленном совершении деяния будет безосновательным. При этом незнание или неправильное понимание нарушенного правового установления, о которых заявляет «нарушитель», должно стать предметом следственного (судебного) исследования».

Некоторые исследователи полагают, что наряду с виной в форме прямого умысла, обязательным признаком объективной стороны налоговых преступлений является и цель - неуплата налогов. Другие же авторы придерживаются противоположного мнения.

На наш взгляд, наличие этой цели, хотя и не указано специально в законе, входит в число обязательных признаков субъективной стороны составов налоговых преступлений. Она вытекает из диспозиции ст. ст. 198 и 199 УК РФ - полная или частичная неуплата налогов и (или) сборов и однозначно выводится из толкования понятия «уклонение от уплаты налогов».

Отметим, что п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» содержит указание на то, что уклонение от уплаты налогов и (или) сборов возможно только с прямым умыслом с целью полной или частичной их неуплаты.[13, 122].

Таким образом, главной особенностью субъективной стороны налоговых преступлений является осознание налогоплательщиком противоправности своего деяния, то есть факта нарушения требований налогового законодательства: лицо не выполняет обязанность в установленный срок представить налоговую декларацию или вопреки требованиям законодательства включает в нее сведения, которые заведомо не соответствуют действительности, с целью уклонения от уплаты налога.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) //Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 2) от 05 августа 2000 № 117-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 2000. № 40.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 21.11.96 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» //Финансовая газета. 1996. № 49.
5. Витвицкий А.А. Уголовно-правовые аспекты ответственности за уклонение от уплаты налогов. //Российская юстиция. 2016. № 7. - С. 20.
6. Захваткин В.С., Орехов А.В. Уголовная ответственность бухгалтера // Главбух. 2017. № 1. - С.91
7. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: Учеб. - М.: Инфра-М, 2016. - С. 371.
8. Тарбагаев А., Тарбагаева Е. Особенности применения бланкетных норм при квалификации преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ // Уголов. право. 2010. № 2. С. 73; Gladkova M. Проблемы квалификации налоговых преступлений с позиции смежного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 7.
9. Караханов А.Н. Проблемы уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с организации. - М.: Издательство МСХА, 2018. - С. 86.
10. Козлов В.А. Значение криминалистических учений для совершенствования борьбы с налоговыми преступлениями и правонарушениями //Российский следователь. 2018. № 8. - С. 9.
11. Логунов Д.А. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов // Бухгалтерский учет. 2017. № 23. - С. 60.

12. Митюшев Д.И. Налоговые преступления (спорные вопросы ответственности): Дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2017. - С. 123.
13. Российское уголовное право. Особенная часть /Под ред. В.В. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М.: БЕК, 2017. - С. 217.
14. Сальников А. В. Уголовно-правовые проблемы сокрытия объектов налогообложения // Проблемы выявления и расследования преступлений в сфере экономики: материалы науч. практ. конф. Псков, 1995. С. 33–34; Кашубин Д. Ю. Налоговые преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 19.
15. Сергеев В.И. Субъект и субъективная сторона налогового преступления //Право и экономика. 2017. № 2. - С. 69.
16. Соловьев О.Г. Особенности субъективной стороны налоговых преступлений. Сб. науч. статей /Под ред. профессора, заслуженного деятеля наук РФ, академика МАИ и РАЕН Л.Л. Кругликова. - Ярославль: Яросл. гос. ун-т., 2018. № 2. - С.68.
17. Улезько С.И. Понятие налогового преступления / Философия права. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.юрид. ин-та МВД России. 2012. № 3. С. 27-31.
18. Уголовное право России. Общая часть. Курс лекций для вузов /Под научной ред. А.В. Шеслера. - Тюмень: Тюменский филиал НОУ «Академия права и управления», 2016. - С.151.
19. Хорошилов С.А. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности за налоговые преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2017. - С. 18.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей LV Международной научной конференции «Свобода и право»

ISBN 978-5-6040934-2-9

Научный юридический журнал «Юридический факт»
Кемерово 2019